

Екатерина Якушкина
 Московский государственный университет имени
 М.В.Ломоносова
 Филологический факультет
 Кафедра славянской филологии
 jkatia@yandex.ru

УДК 811.161.1'373:811.163.41'373
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2023.27.1.11>
 Оригинал научни рад
 примљено 31.3.2023.
 прихваћено за штампу 9.06.2023.

ПОЛНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ НЕЕ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ*

В статье рассматриваются отношения полной лексикографической эквивалентности в русском и сербском языках и семантические признаки слов, служащие предпосылкой для возникновения подобных отношений. На примерах семантических полей времени, приготовления пищи, названий растений и животных, элементов ландшафта и природных явлений в русском и сербском языках показывается, что в них встречаются как абсолютные, так и частичные словарные эквиваленты. В качестве примера лексической подборки, в которой преобладают сербско-русские абсолютные эквиваленты рассматривается базисная лексика, входящая в список Сводеша. Помимо проблемы абсолютной и частичной эквивалентности, рассматриваются примеры отсутствия русского эквивалента для сербского слова.

Ключевые слова: сербский язык, русский язык, двуязычный словарь, лексика, лексикография, лексикология, словарный эквивалент.

The greatest attention in the article is paid to the absolute equivalence and the semantic features of words that cause such relations. Based on examples of semantic fields of time, cooking, names of plants and animals and other objects of nature in the Russian and Serbian languages, it is shown that both absolute and partial dictionary equivalents occur in these groups. As an example of vocabulary in which Serbian-Russian absolute equivalents predominate, the basic words included in the Swadesh list are considered. In addition to the problem of absolute and partial equivalence, examples of the absence of a Russian equivalent for a Serbian word are described.

Key words: Serbian, Russian, bilingual dictionary, lexicography, lexicology, dictionary equivalent.

Отправной точкой настоящего исследования стала работа над новым большим сербско-русским двуязычным словарем, составляемым коллективом сербских и русских авторов на основе однотомного толкового словаря сербского языка Матицы Сербской (РСЈ 2018). Основной задачей двуязычного словаря является соотнесение лексических единиц двух языков, эквивалентных по своему значению, а первостепенной задачей сопоставительного исследования сербской и русской лексики – обобщение сведений о сербско-русской эквивалентности. Задача данной статьи – выявление лексико-семантических групп, для которых характерна или нехарактерна полная лексикографическая эквивалентность между сербскими и русскими словами. Материалом для на-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

стоящего исследования послужили многолетние наблюдения автора над лексикой сербского языка и ее соответствиями в русском языке, а также слова на букву «б» из составляемого сербско-русского словаря.

О семантических признаках слов, которые в разных славянских или неславянских языках обладают универсальным значением, то есть могут быть абсолютными эквивалентами в лексикографических исследованиях говорится очень кратко. Отмечается, что абсолютными эквивалентами являются научные термины, а помимо них, абсолютные эквиваленты редки (Zgusta 1971: 312; Аткинс и Ранделл цит. по: Садиков 2018: 103). Однако существует точка зрения, что и термины не являются абсолютными эквивалентами. В этой концепции термины трактуются как «идеальный случай приблизительной эквивалентности», который встречается «в сравнительно редких случаях», так как «ни одно слово исходного языка, взятое во всей совокупности элементов его плана содержания и плана выражения, не имеет тождественной себе единицы ни в одном слове ни одного другого языка» (Хенш, Вольф, Эттингер, Вернер, цит. по: Садиков 2018: 83).

Д.Урбанек называет абсолютные, или точные, эквиваленты «семантическими константами» и относит к ним «слова, связанные с понятиями счета, времени, календаря», «широко употребляемые термины», «интернационализмы» (атом, инфляция, телевидение) (которые фактически также являются широко употребляемыми терминами), местоимения, общепринятые междометия и звукоподражания (Урбанек 1997: 61–62).

В.Ф.Васильева в результате наблюдений над чешско-русскими соответствиями делает вывод, что наиболее часто точная («денотативная») эквивалентность встречается в предметной идентифицирующей лексике, к которой относятся названия растений, животных, небесных тел, природных объектов, метеорологических явлений и др. (Васильева 1997: 108, 110, 114). Предпосылку для существования такой эквивалентности создает достаточно четкое вычленение соответствующих объектов номинации в языковом сознании.

Числительные, обозначения времени (названия единиц измерения времени) и элементов календаря (названия дней недели, месяцев), большинство личных местоимений (кроме местоимений 3-го лица множественного числа они, оне, она) и притяжательных местоимений (кроме местоимения *svoj*, которое в сербском языке выражает дополнительные значения, кроме притяжательности) в сербском и русском языках действительно являются абсолютными эквивалентами. Но если мы обратимся к семантическому полю времени, то увидим, что наряду с абсолютными эквивалентами (ср. *месец*, *година*, *јуче*, *данас*, *сутра*, *дан*, *ноћ*, *јутро*, *вече* и их русские соответствия), в этом поле есть и достаточно слов, которые в силу своих прагматических или семантических особенностей не имеют точного эквивалента. Например, сербское слово *podne*, хотя и соответствует русскому *полдень*, но используется значительно чаще, тогда как в современном русском разговорном языке слово *полдень* практически не употребляется (ср. Poznata pevačica će se 9. maja u podne pojaviti u Višem sudu u Beogradu «Известная певица 9-го мая в 12 часов предстанет перед Верховным судом в Белграде» (корпус сербских

текстов в Интернете SrWac, <https://www.clarin.si>). Сербскому слову *поподне* в современном русском языке соответствуют русские эквиваленты *вечером, во второй половине дня*.

Для того, чтобы точно описать семантические группы слов, в которых могут появляться абсолютные эквиваленты, надо проанализировать словарный фонд языка в целом. В качестве примера мы рассмотрели тематическую группу «питание», как она представлена в «Систематическом словаре» сербского языка (Систематски речник 1980), кроме названий блюд. В ней преобладают слова, имеющие абсолютные словарные эквиваленты в русском. Среди них названия предметов и действий, связанных с потреблением и приготовлением пищи: *исхрана, хранити се, дијета, хранљив, јести, глад, гладан, апетит, сит, ручак, вечера, закуска, јеловник, предјело, динстати, ражањ, сецкати, пунити, биберити, бибер, столњак, тањир, шоља, кашика, вљушка, нож, флаша, сланик, фрижидер, рерна, тигањ, лавабо, оклагија, миксер, ренде* и др. Но в этих же семантических группах встречаются и слова с иным денотативным полем, чем в русском: *пиће* («питье», «напиток/напитки», «выпивка»), *јело* («блюдо», но и «еда», «кушанья»), *храна* («еда», «продукты»), *пржити* («жарить», но не на вертеле и мангале), *цедити* («процеживать» и «выжимать/отжимать»), *кувати, барити* («варить»), *љушитити* («чистить», но только от кожуры), *чаша* («стакан», но и «бокал»), *чинија* («миска», но и «салатница»), *лонац, шерпа* («кастрюля») и др. Такого рода сопоставления по семантическим полям позволяют выделить общее и индивидуальное в лексическом членении действительности в русском и сербском языках. Приведем еще несколько примеров из других семантических полей. Ср. *хладан* = *холодный*, но *топао* = *теплый, горячий, жаркий (топла вода, топло лето)*, *сто* = *стол*, но *столица* = *стул и табуретка*, *сукња* = *юбка*, но *халџина* = *платье и сарафан*, *бунда* = *шуба и дубленка*, *ципеле* = *туфли и ботинки*.

Названия растений, животных, небесных тел, природных объектов, метеорологических явлений, которые упоминает В.Ф.Васильева, как и обозначения времени, также содержат исключения из правила абсолютной эквивалентности. Названия растений (*бреза, пшеница, ружа*), животных (*медвед, вук, жирафа*), небесных тел (*сунце, месец*) в обоих языках как будто действительно должны обладать полной денотативной эквивалентностью. Но среди обозначений элементов ландшафта и метеорологических явлений есть и случаи частичного несовпадения денотативных полей. Это такие случаи, когда в одном языке слово имеет более широкое значение, а в другом это значение распадается на две лексемы. Часто это связано с тем, что для носителя одного языка, например, в силу географических причин, реалья более знакома, чем для носителей другого языка, и носитель первого языка ее называет более расчлененно. Так, русской лексеме *дуб* в сербском соответствует лексема *храст*, но кроме нее в сербском языке имеется и слово *цер*. Последней соответствует русский эквивалент *турецкий*, или *австрийский дуб* (произрастает в юго-восточной Европе).

Среди названий животных также встречаются случаи различий в денотативной эквивалентности. По крайней мере это касается тех случаев, ког-

да в обиходном языке термин расширяет или сужает свое значение. В сербском языке кролик может называться не только особым термином *кунић*, но и словом *зец* с основным значением «заяц». Ср. следующий текст: Зечеви: начини узгоја, сигуран приход за узгајиваче. Месо зеца је врло квалитетно; садржи малу количину масти, мало холестерола, а извор је врло квалитетних беланчевина (<https://agroinfonet.com/poljoprivreda/stocarstvo/zecevi/>), а в другом месте: За разлику од кунића, зеца као дивљу животињу није могуће припитомити и држати као љубимца (<https://www.agroinfo.rs/kunicarstvo/razlike-i-slicnosti-izmedu-kunica-i-zeceva-8110>).

Рассмотрим нарушения точной эквивалентности, которые возникают в поле природных объектов. Русское и сербское наивное сознание, отраженное в литературном языке, по-разному лексически определяет возвышенности: в русском они делятся, прежде всего, на холмы и горы, а в сербском выделяются *брег*, *брдо*, *планина*. То, что носитель сербского языка определяет как *брдо*, носитель русского языка может определить и как *холм*, и как *гору*. Ср. следующий текст, автор которого хочет построить дом на небольшом холме: Неужели никто не живет на горе? Просто бывает по весне у тех, кто живет в низине, участки, подвалы затопляет. А у живущих на горе, что может случиться? (https://eva.ru/static/forums/117/2006_8/697124.html?ysclid=lfwday391v937439069). Не имеет единого и точного эквивалента и сербское слово *олуја* «буря, гроза, ураган». Приведенные примеры показывают, что наличие или отсутствие точного эквивалента в каждой тематической группе носит случайный характер, то есть, как кажется, нельзя объяснить, почему *снег* или *киша* обозначают общее понятие для двух языков и имеют точные эквиваленты, а *олуја* – нет.

В большом объеме абсолютная эквивалентность представлена среди русских эквивалентов к словам из сербского 100-словного списка Сводеша, содержащего базисную лексику. Среди них – личные местоимения, числительные, названия основных признаков размера, цвета, формы, частей тела, основных действий (передвижения, положения в пространстве, знания, зрения, слуха, речи, потребления пищи и питья), природных явлений и объектов, человека и животных.

Приведем этот список: *ја, ти, ми, ко, шта, не, све, много, један, два, велик, мали, жена, мушкарац, човек, риба, птица, пас, ваши, дрво, семе, лист, корен, кора, кожа, месо, крв, кост, маст, јаје, рог, реп, перо, коса, глава, ухо, око, нос, уста, зуб, језик, канџа, нога, рука, колена, трбух, врат, груди, срце, јетра, тити, јести, гристи, видети, чути, знати, спавати, умрети, убити, пливати, летети, ићи, доћи, лежати, седети, стајати, дати, рећи, сунце, месец, звезда, вода, киша, камен, песак, земља, облак, дим, ватра, пепео, палити, пут, планина, црвен, зелен, жути, бео, црни, ноћ, врућ, хладан, пун, нов, добар, округао, сув, име* (Сејка 1972: 49).² Подавляющее большинство слов из этого списка³ можно считать полными эквивалентами соответствующих рус-

² По сравнению со списком М.Чейки в данном списке заменены четыре лексемы: *ваши* (вместо *уши*), *јетра* (вместо *шигерица*), *хладан* (вместо *студен*), *планина* (вместо *гора*).

³ *Ја, ти, ми, ко, не, све, много, један, два, велик, мали, риба, птица, пас, ваши, дрво, семе, лист, корен, кожа, месо, крв, маст, јаје, рог, реп, перо, коса, глава, ухо, око, нос, уста, зуб, језик, канџа, нога, рука,*

ских лексем. Но даже среди этой базисной лексики целый ряд значений не выражается в сербском и русском языках точными эквивалентами. Это местоимение *шта*, которое в сербском, в отличие от русского, может указывать на род занятий, национальность или вероисповедание, обозначения человека (*човек* «человек» и «мужчина»), мужчины (в сербском два наименования с несколько различной дистрибуцией *мушкарац* и *мушко*), женщины (*жена* «женщина» и «жена»), некоторых частей тела (*трбух* стилистически маркировано по отношению к *стомак* «живот»), природных явлений (*облак* «облако» и «туча»), цветов (*зелен* «зеленый», но может быть и «серый») и др.

Даже в случае идентичности плана содержания в сербском и русском языках на отношения эквивалентности могут накладываться ограничения не содержательного, а прагматического характера. Так, сербскому слову *пепео* в русском соответствуют слова *пепел* и *зола*, обозначающие остатки сожженного вещества в разных ситуациях (*пепел* и *алмаз*, *выгрести золу из печки*), а русскому слову *укусить* – сербские слова *ујести* и *угристи*, которые имеют разную географическую дистрибуцию.⁴

Единство означаемого может иметь место при одном и при разных означающих, причем общее означающее может быть как явлением праславянского наследия, так и общим заимствованием (ср. *адвокат*). Какие праславянские слова сохраняются как семантические константы в современных языках, отчасти показывает приведенный выше список Сводеша. О явлении несовпадения семантики в общих заимствованиях см. ниже.

Хотя до сих пор речь шла о точной эквивалентности, фактически анализировались случаи анизоморфизма, т.е. несоответствия десигнатов или денотатов сопоставляемых слов. Этот случай составляет такой тип лексических различий, когда у слов несколько различаются денотативные поля и в одном языке денотативное поле лексемы второго языка выражается двумя лексемами. Д.Шипка, характеризуя соотношение «понятий и слов», пишет, что межславянская лексическая дивергенция, в основном, вызвана тем, что отдельные языки более точно описывают семантическую область (Шипка 2022: 122). Согласно подсчетам исследователя, при сопоставлении лексики сербского и английского языка, связанной с общественными отношениями, в почти 30% случаев одному сербскому слову соответствует несколько английских эквивалентов, поскольку сербский язык менее точен в определении понятий. Близкие результаты дало сопоставление русской и английской лексики (Шипка 2022: 113).

Примеров несовпадения семантики базовых русских и сербских слов много, приведем несколько примеров. Сербское слово *кућа* обозначает пре-

колени, врат, груди, срце, јетра, пшти, јести, грести, видети, чути, знати, спавати, умрети, убити, пливати, летети, лежати, седети, стајати, дати, рећи, сунце, месец, звезда, вода, киша, камен, песак, земља, дим, ватра, палити, пут, планина, црвен, жут, бео, црн, ноћ, хладан, пун, нов, добар, округао, сув, име.

⁴ Для сербского языка характерна дублетность, региональная (западное – восточное, ср. *мрква* : *шаргарепа* – морковь) и стилистическая (в том числе признаку «общелитературное» – «народное», ср. *аманет* : *завештање* – завещание). При переводе таких лексем на русский язык имеет место нивелирование географических (что не так важно) и стилистических (что очень важно) характеристик сербского слова.

имущественно низкоэтажные и частные дома. В контекстах *я живу в многоэтажном доме на 30-м этаже, супермаркет находится в соседнем доме, мы живем в одном доме* сербское слово *kuћа* не может быть употреблено. В данных предложениях его заменит слово *вишеспратница* или *зграда*: *Живим у вишеспратници. У суседној згради се налази супермаркет. Живимо у истој згради* (название же *вишеспратна кућа* указывает на двух- или трехэтажный дом). Слово *воће* обозначает все растущие на деревьях плоды, в том числе те, которые по-русски называются орехами и ягодами. *Супа* указывает только на жидкие супы, бульоны, тогда как густой суп называется *чорба*. С другой стороны, значение сербского слова *башта* передается двумя русскими словами – *сад* и *огород*. Изучая эквивалентность, мы постоянно сталкиваемся с тем, что у слов, имеющих общее исходное значение и в этом значении являющихся точными эквивалентами, различается набор вторичных значений. Примеров этому много, приведем некоторые: *баба* – *бабушка*, *баба* (в сербском также «старуха»), *база* – *база* (также математический и химический термин «основание»), *базар* – *базар* (также «вещевой рынок»), *безвучан* – беззвучный (также «глухой» (о звуке)), *безвольан* – *безвольный* (также «непроизвольный»), *безулован* – *безуловный* (также «безоговорочный») и др. Однако иногда многозначность развивается одинаково (*безуман* и *безумный*: *безуман поглед* и *безумный взгляд*; *безумна храброст* и *безумная храбрость*). Различие в структуре многозначности является одним из этапов на пути образования так называемых «ложных друзей переводчика». Этому этапу развития семантики предшествует различие в сочетаемости (*безвучна тишина* – *глухая (*беззвучная) тишина*), *бдети* – *бдеть*, но *бдети над децом* «контролировать детей, всесторонне заботиться о них»). Заключает этот процесс формирование различия в основном значении (*беда* – *нищета*). На феномене «ложных друзей переводчика» мы останавливаться не будем, отметим только важность описания семантических различий между тождественными по форме заимствованиями, на которую указывал В.П.Гудков (Гудков 1974; 1997), приводя такие примеры, как серб. *афера* «шумное дело, скандал» и русск. *афера* «мошенничество», *интервенција* «(любое) вмешательство» и *интервенция* («военное, политическое, экономическое вмешательство»), *окупирати* «занять» и *окупировать* «захватить чужую территорию в ходе военных действий» и др.

Особый разряд лексических различий представляют собой случаи, когда сербское значение эксплицируется в русском языке словосочетанием. В частности это касается возможности передачи некоторых сербских значений словообразовательными средствами, и отсутствия такой возможности в русском языке. Ср., например, регулярные обозначения носителей признака (*безазленик* – *незлобивый человек*, *безвольник* – *безвольный человек*, *бездетка* – *бесплодная женщина*, *бездушник* – *бездушный человек*) и деминутивы (*баштиница* – *небольшое наследство*, *бегунче* – *маленький беглец*).

Если при соотнесении слова *kuћа* со словом *дом*, имеет место частичная эквивалентность (в каких-то контекстах слово является эквивалентом, а в каких-то нет), то при передаче культурно обусловленных реалий и линг-

воспецифических понятий, эквивалентность является приблизительной. Вслед за Н.Е. Ананьевой мы полагаем, что к безэквивалентной лексике относятся не только этнографизмы и названия идиоэтнических реалий (ср. серб. *буклија* – *фляга*, *бабарога* – *баба-яга*, *бабине* – *праздник по случаю рождения ребенка*, *бадњак* – *рождественское полено*, *бадањ* – *желоб на водяной мельнице*): «это лексемы, для которых в сопоставляемом языке не только отсутствуют однолексемные соответствия, но и вообще не структурировано общепринятое формальное выражение» (Ананьева 1997: 119). По этому критерию к безэквивалентной лексике можно отнести такие слова, как *међустрат* «этаж (пространство) между первым и вторым этажом», *драгстор* «продуктовый магазинчик», *чесма* «фонтанчик, источник», *бабац* – «молодящаяся старуха, старушеница». К этой группе относятся и лингвоспецифические абстрактные понятия: *уживати*, *башкарити* «наслаждаться, получать удовольствие», *инат* «упрямство», *ћеф* «прихоть, желание» и др.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) явление полной лексикографической эквивалентности в сербском и русском языках хотя и характерно для базовой лексики, однако, далеко не для всей. Названия базовых предметов и явлений часто переживают семантические изменения в обоих языках или закрепляются за несколько разными образами этих предметов или явлений, так что денотативные поля этих слов разнятся, что нарушает полную лексикографическую эквивалентность; 2) семантические приращения часто возникают в одном из языков в общих заимствованиях; 3) редки случаи, когда полная эквивалентность наблюдается у многозначных слов во всех их значениях, обычно они могут быть полными эквивалентами только в одном значении; 4) не только этнографизмы, но многие абстрактные слова и реалии современной повседневной жизни можно отнести к безэквивалентной лексике.

Использованная литература

- Ананьева, Наталья Евгеньевна. «О роли фактора сочетаемости в сопоставлении славянских языков». [В:] С. Сятковский, Т. С. Тихомирова (ред.) Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. Москва: Диалог МГУ, 1997, 197–214.
- [Anan'eva, Natal'ia Evgen'evna. «O roli faktora sochetaemosti v sopostavlennii slaviãnskikh iãzykov». [V:] S. Siãtkovskii, T. S. Tikhomirova (red.) Problemy izucheniã otnosheniã ãkvivalentnosti v slaviãnskikh iãzykakh. Moskva, 1997, 197–214]
- Васильева, Валерия Федоровна. «О межъязыковой эквивалентности номинативной единицы (на материале современного русского и чешского языков)». [В:] С. Сятковский, Т. С. Тихомирова (ред.) Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. Москва: Диалог МГУ, 1997, 104–130.
- [Vasil'eva, Valeriiã Fedorovna. «O mezh' iãzykovoï ãkvivalentnosti nominativnoï edinitiã (na materiale sovremennogo russkogo i cheshskogo iãzykov)». [V:] S. Siãtkovskii, T. S. Tikhomirova (red.) Problemy izucheniã otnosheniã ãkvivalentnosti v slaviãnskikh iãzykakh. Moskva, 1997, 104–130]
- Гудков, Владимир Павлович. «Двуязычные словари русско-сербскохорватские,

- сербскохорватско-русские и перспектива их совершенствования». Советское славяноведение 6, 1974: 64–73.
- [Gudkov, Vladimir Pavlovich. «Dvuiāzychnye slovari russko-serbskokhorvatskie, serbskokhorvatsko-russkie i perspektiva ikh sovershenstvovaniia». Sovetskoe slaviānovedenie 6, 1974: 64–73]
- Гудков, Владимир Павлович. «Сходства и различия лексических интернационализмов русского и сербскохорватского языков в плане семантики и стилистики». [В:] Б. Станкович (отв. ред.) Сопоставительное и сравнительное исследование русского и других языков. IV Международный симпозиум: доклады. Белград: Славистичко друштво Србије 1997, 33–37.
- [Gudkov, Vladimir Pavlovich. «Skhodstva i razlichiiā leksicheskikh internatsionalizmov russkogo i serbskokhorvatskogo iāzykov v plane semantiki i stilistiki». [V:] B. Stanković (otv. red.) Sopostavitel'noe i sravnitel'noe issledovanie russkogo i drugih iāzykov. IV Mezhdunarodnyī simpozium: doklady. Belgrad: Slavističko društvo Srbije 1997; 33–37]
- Садиков, Александр Викторович. Двужычная лексикография. Опыт построения общей теории. Москва: URSS, 2019.
- [Sadikov, Aleksandr Viktorovich. Dvuiāzychnaiā leksikografiiā. Opyt postroeniia obshchei teorii. Moskva, 2019]
- Урбанек, Дорота. «Понятие переводческой эквивалентности и переводческая типология лексики». [В:] С. Сятковский, Т. С. Тихомирова (ред.) Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. Москва: Диалог МГУ, 1997, 53–65.
- [Urbanek, Dorota. «Poniātie perevodcheskoī ēkvivalentnosti i perevodcheskaia tipologiiā leksiki». [V:] S. Siātkovskii, T. S. Tikhomirova (red.) Problemy izucheniia otnosheniā ēkvivalentnosti v slaviānskikh iāzykakh. Moskva, 1997, 53–65]
- Шипка, Данко. Словенски jezici: genealogija i ideologija. Београд: Савез славистичких друштava Србије, 2022.
- [Šipka, Danko. Slovenski jezici: genealogija i ideologija. Beograd: Savez slavističkih društava Srbije, 2022.]
- Čejka, Mirek. «Lexicostatistic dating and Slavonic languages». Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity 21/A20, 1972: 39–52.
- Zgusta, Ladislav. Manual of lexicography. Prague: De Gruyter Mouton, 1971.

Источники

- Систематски речник: Јовановић, Ранко, Лаза Атанацковић. Систематски речник српскохрватског језика. Нови Сад: Матица Српска, 1980.
- [Sistematski rečnik: Jovanović, Ranko, Laza Atanacković. Sistematski rečnik srpskohrvatskog jezika. Novi Sad: Matica Srpska, 1980]
- РСЈ: Речник српског језика. Нови Сад: Матица Српска, 2018.
- [RSJ: Rečnik srpskog jezika. Novi Sad: Matica Srpska, 2018]

Јекатерина Јакушкина

АПСОЛУТНА ЛЕКСИКОГРАФСКА ЕКВИВАЛЕНТНОСТ И ОДСТУПАЊА ОД ЊЕ У РУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

Рад на великом српско-руском речнику чини посебно актуелним српско-руско лексиколошка истраживања. Овај чланак посвећен је типовима семантичких односа који се откривају при контрастирању српске и руске лексике, прецизније, приликом избора речничких еквивалената. Једно од главних питања које се разматра у раду тиче се семантичких особина речи с пуном денотативном еквивалентношћу. Аутор разматра семантичка поља времена, хране, предмета и појава из природе и долази до закључка да у свакој од тих група постоје како потпуни, тако и делимични еквиваленти. Чак је и основна лексика прасловенског порекла током историје језика добила значењске нијансе које јој онемогућавају да буду семантички истоветне у српском и руском језику. Даље аутор разматра примере делимичне еквивалентности, разлике у структури многозначности и безеквивалентне лексике.

Кључне речи: српски језик, руски језик, двојезични речник, лексика, лексикографија, лексикологија, речнички еквивалент.